

**БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
“ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ ”**

Москва, г/к “Даниловский” 14-17 ноября 2005 г.

*Проф. С.Л. Фирсов,
СПбГУ*

**ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРЕДЧУВСТВИЯ
У НЕОКОНСЕРВАТОРОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

(К характеристике проблемы)

Не будет преувеличением утверждение о том, что каждая историческая эпоха имеет свою степень психологической напряженности, свое ощущение «конца истории». Давно стало традиционным утверждение об особенно широком распространении эсхатологических настроений во время социальных и политических кризисов. В этой связи, говоря о России, как правило вспоминается эпоха раскола – вторая половина XVII – начало XVIII вв. Однако и время последнего царствования также может быть названо эпохой апокалиптических переживаний, ощущения грядущих катастроф. Подобные настроения усилились в России после 1905 г., когда Православная Церковь столкнулась с воинствующим неверием. «Именно к тому времени относится фраза: “Мы ваши храмы обратим в наши конюшни”, – писал накануне Первой мировой войны киевский протоиерей Клавдий Фоменко. – ...И началась нещадная травля на православные храмы и православное духовенство»¹. Новые настроения (или, лучше сказать, нестроения) не могли не отразиться на мироощущении тех православных верующих, для которых появление воинствующих богоборцев, часто неотличимых от хулиганов, было знаковым событием. К примеру, полемизируя с публицистом и мыслителем Л. А. Тихомировым, известный церковный писатель С. А. Нилус в конце 1910 г. указывал, что переживавшееся тогда время – время вселенской трагедии, источник которой он видел в происках еврейско-масонского толка, избежать которой – нельзя, но подготовиться к которому – необходимо². Тогда же редакция журнала «Кронштадтский маяк» опубликовала извещение, указав, что в наступающем 1911 г. на страницах журнала будет помещен «целый ряд статей, касающихся очевидной близости кончины мира»³. Исследователи давно подметили эту тенденцию «эсхатологических ожиданий», указав, что именно тогда, в начале XX века, церковные люди стали сознательно противопоставлять себя светскому миру, подчинившемуся, по их убеждению, сатанинскому владычеству. Как пишет А. В. Тарабукина, много и успешно занимающаяся изучением прихрамовой православной среды, с того времени «начинается новый этап в истории Русской Православной Церкви и преданных ей людей, на котором и судьба Церкви и жизнь каждого верующего понимается как жертвенный подвиг ради спасения мира и каждой человеческой души»⁴.

Действительно, последующие события для людей, воспринимавших социально-политические пертурбации начала прошлого столетия в апокалипсическом свете, не могли не казаться доказательством наступающего вскоре «конца истории». Другой вопрос – определяли ли эти люди духовную и психологическую атмосферу в Церкви или же оставались в ней меньшинством. Полагаю, что ответ очевиден: для большинства православных (подразумеваю православных по рождению и воспитанию) эсхатологические предчувствия не были актуализированы. В этой связи представляется весьма показательной характеристика, данная в 1911 – 1912 гг. православным своей епархии Екатеринославским архиереем Агапитом (Вишневым). В религиозно-нравственном отношении

¹ Фоменко Кл., прот. Хулиганство // Киевские епархиальные ведомости. 1913. № 40. Часть неоф. С. 1028.

² Тайна печати Антихриста (Письмо С. А. Нилуса) // Кронштадтский маяк. 1910. № 45. С. 2 – 5.

³ От редакции // Там же. № 46. С. 5.

⁴ Тарабукина А. В. Фольклор и мифология прихрамовой среды // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 302.

владыка разделили православных на три группы: малочисленную группу людей «русско-православного мировоззрения и старинного домостроевского уклада жизни»; самую большую группу людей земли, «сынов человеческих», исполняющих религиозно-церковные обязанности «только потому, что так “исстари заведено”, что так нужно и так делают соседи, потому еще, чтобы не навлечь на себя каких-либо нареканий, подозрений, чтобы избежать неприятных столкновений и каких-либо неожиданностей»; и третью группу – людей, «которых коснулся современный тлетворный дух отрицания и сомнения, дух гордыни и неповиновения». Характеризуя третью группу, преосвященный Агапит отметил, что включенные в нее лица «мечтают о новой революции, от которой ждут для себя “земного рая”, т. е. всяческих благ и удовольствий для тела, а главное – ничегонеделания»⁵. Подобные характеристики не могли вызывать у внимательных современников удивления, заставляя лишь беспокоиться о будущем земной Церкви. «Самарин говорит, – записывал в дневник приблизительно в то же время генерал А. А. Киреев, – пусть начнется эра гонений на Церковь, она очистится. Да, верно! Но остаток будет небольшой <...>. Но можно ли не заботиться о тех средних людях, “ни холодных, ни жарких”, которые всегда составляют большинство в каждом обществе, они совсем будут затерты, а стало быть и их дети и внуки»⁶. Горькие прозрения генерала в дальнейшем подтвердила история. Но, полагаю, важнее отметить иное: почва для эсхатологических переживаний в начале XX века была вполне подготовлена, чувство грядущей катастрофы имело прочные основания. Однако, следует ли из этого, что все «верные» должны автоматически причисляться к армии *безусловно ожидающих* скорейшего конца времен? Очевидно, что так сказать нельзя. Социально-политический кризис, сопровождающийся ломкой традиционного общества, всегда приводит к появлению группы (или групп) верующих, воспринимающих современную им эпоху как знак беды, как безусловное доказательство грядущего в мир Антихриста. Религиозный настрой таких людей необходимо учитывать в контексте их времени, не забывая при этом, что ощущение конца света часто провоцируется непониманием (и, разумеется, непризнанием) происходящего. Социальные проблемы начинают рассматриваться сугубо через призму эсхатологических переживаний. Странного и страшного в этом нет, – в конце концов, все дело в психологической направленности данных переживаний. Советская история, особенно в первые годы пребывания большевиков у власти, позволяла при желании интерпретировать происходившее в России (СССР) в эсхатологическом ключе. Не случайно, многие верующие считали (и считают) Ленина «предтечей Антихриста, или собственно Антихристом, которому Господь не дал полную власть, так как отодвинул конец мира ради крови новомучеников, которая отчасти искупила грехи человечества. Вторая мировая война понимается как поворот к возрождению православной веры и т. д.»⁷. Мифологизация прошлого при таком взгляде – в том числе и на церковную историю – неизбежна. Прилагая сказанное ко дню сегодняшнему, не будем забывать, что распространению новых мифов о скором конце света во многом способствовали и потрясения начала 1990-х гг. Разумеется, в минувшее десятилетие популяризировались не только мифы – интерес к апокалиптической проблематике в целом существенно вырос. По словам профессора МДА А. И. Осипова, «настоящее время характеризуется вновь повышенным интересом к верному пониманию признаков завершения человеческой истории и попыткой осмысления в этом апокалиптическом ключе происходящих процессов в мире и в России»⁸. Считать это чем-то удивительным не приходится. Но одно дело – восприятие Апокалипсиса как Божественного приговора, окончательного очищения мира от зла и победы над грехом, другое – концентрация внимания на вопросе о наказании неверных, об ожидающих их вечных муках и т. п. К тому же важно учитывать и социально-политические основы подобных эсхатологических представлений, или, точнее говоря, – важно отдавать себе отчет в том, каких религиозно-политических идеалов придерживаются современные сторонники идеи грядущего вскоре Апокалипсиса.

Гибель советской системы и связанного с ней казенного атеизма, появление у Церкви возможности открыто проповедовать свое учение и вести миссионерскую работу не привело, как показало время, к скорому «православному ренессансу» в России. Социально-политический и экономический кризис 1990-х гг. сказался и на морально-нравственном состоянии населения страны. В подобных условиях вопрос о том, «куда мы идем» стал восприниматься как своеобразный приговор чаемому светлому будущему. Злу дня сегодняшнего следовало противопоставить гармонию прошлых дней, объяснив (изначально – самим себе, а затем и всем остальным), как и почему зло сумело восторжествовать. Если будущее связывается со скорым пришествием Антихриста, а настоящее

⁵ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1911 – 1912 годы. СПб., 1913. С. 153 – 156.

⁶ Дневник А. А. Киреева // РО РНБ. Ф. 126. Д. 14. Л. 153-об. Запись от 30 [мая] 1906 г.

⁷ Тарабукина А. В. Указ. Соч. С. 303.

⁸ Осипов А. И. Понятие об эсхатологии... // <http://osipov/vinchi.ru/books/101.html>.

воспринимается как царство хаоса и прогрессирующей разрухи, то взгляд таких верующих неизбежно «обращается к прошлому, которое мифологизируется, становясь “золотым веком”, временем абсолютного порядка, гармоничных отношений человека и Бога». Обративший на это внимание современный исследователь полагает, что подобное отношение к прошлому как идеалу влияет и на эстетические пристрастия церковных людей, на их жизнестроительство⁹. Однако дело не только (и не столько) в стремлении построить свою жизнь по «традиционному» старорусскому православному лекалу – подобное можно только приветствовать (даже если представляемый идеал смоделирован). Важнее социальная составляющая отношения к прошлому, точнее сказать – характеристика современности, исходя из его принципиально негативной оценки по сравнению с той «Россией, которую мы потеряли». В этом случае устойчивые исторические мифы «на православную тему» оказываются политическим оружием тех, кто позиционирует себя в качестве бесстрашных борцов за чистоту веры, формируя у своих сторонников перевернутые представления о конце времен и о будущем России. Таких православных я полагаю правильным называть *неоконсерваторами*. Разумеется, Церковь как Столп и Утверждение Истины не может быть ни либеральна, ни консервативна. Другое дело – Церковь как институт. Сохранение традиций и форм религиозной жизни (их «консервация») – важная задача, исполнению которой всегда уделялось большое внимание – как священноначалием, так и верующим народом. Достаточно вспомнить историю раскола в XVII веке: хотя реформы Патриарха Никона не касались содержания, затрагивая только форму, «они вызвали необычайно резкую реакцию, поскольку форма и содержание принципиально отождествлялись в традиционном культурном сознании»¹⁰. В этом смысле Церковь можно и, полагаю, нужно, называть консервативным институтом, не вкладывая в это определение никакого отрицательного смысла. Другой вопрос – насколько влиятельны в обществе те политические традиции, которые соответствуют традиционному сознанию «среднестатистического» воцерковленного православного. Но этот вопрос уже не столько церковный, сколько политический. Как бы то ни было, православный традиционалист, даже идеализируя прошлое, высказывая свою враждебность секулярному государству, обыкновенно не делает из этого радикальных политических заключений и не дает конкретных политических рекомендаций.

Данное обстоятельство, смею предположить, и можно считать критерием, отличающим «обычных» консерваторов (или традиционалистов) от неоконсерваторов. Последние, загоняя историю в прокрустово ложе искусственно отобранных (а иногда и фальсифицированных) фактов, объясняют настоящее, часто исходя из концепции заговора разного рода «темных сил» («жидомасонов», «мировой закулисы» и т. п.) против страны и веры. Максимализм оценок, резкость и бескомпромиссность суждений – вот что отличает неоконсерваторов от тех, кого условно можно называть церковными традиционалистами. Традиционалисты обычно верны священноначалию и, как правило, удовлетворяются строгим соблюдением православных правил. Их представления иногда могут совпадать с представлениями неоконсерваторов, но социально активными их последователями традиционалисты не являются. Условной «демаркационной» чертой, разделяющей традиционалистов и неоконсерваторов, можно считать социально-политическую ангажированность последних, часто критикуемую священноначалием. Вполне закономерно, что эта ангажированность имеет и эсхатологическую направленность.

Можно ли считать, что все то, о чем в связи с темой Апокалипсиса пишут и говорят неоконсерваторы, является изначально неверным? Конечно же, нет. Повторюсь: проблема заключается только в направленности эсхатологических предчувствий. Это не светлый апокалиптизм свв. Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Андрея Рублева, с которым вполне сопрягаемо прилагательное «светлый». Хотя именно в апокалиптических представлениях этих великих русских святых, по справедливому замечанию Л. Л. Регельсона мы имеем «несомненно опыт и образе православного апокалиптизма, явленный нам вновь через четыреста лет Серафимом Саровским и оптинскими старцами». Их настрой носит радостный и умиротворенный характер: «внимание верующего привлекает позитивное содержание Откровение Иоанна – победа Иисуса Христа над силами зла, торжество Его царства, радость брачного пира. Все ужасы Апокалипсиса – лишь кратковременная, отчаянная и безуспешная попытка темных сил установить свое господство над миром, прежде чем потерпеть окончательное поражение»¹¹.

Итак, неоконсерваторы стараются обратить преимущественное внимание на симптомы приближающегося конца света, пытаясь, как могут, различать «знамения времен». В этой связи

⁹ Тарабукина А. В. Указ. Соч. С. 303.

¹⁰ Успенский Б. К истории троеперстия на Руси // Этюды о Русской истории. СПб., 2002. С. 361.

¹¹ Регельсон Л. Русский Апокалиптизм // Наука и религия. 1992. № 1. С. 14.

определенный интерес представляет доклад, подготовленный В. П. Филимоновым и В. М. Ильиным^{*}, и в начале 2005 г. опубликованный на страницах журнала с характерным названием «Первый и Последний». В докладе, носящем название «Построение царства Антихриста как реальность наших дней», собраны и систематизированы те знамения, которые можно при желании считать симптоматическими. В начале заявляется о том, что мир воистину стал ненормальным, ложь везде выдается за истину, подлинные нравственные ценности предаются забвению, а грех возводится в добродетель. Более того, мир сегодня – это театр абсурда, в котором добро и зло поменялись местами¹². Спорить со сказанным смешно, но, все-таки стоит признать: то же самое (и теми же самыми словами) говорили в России в конце XIX – начале XX вв. О ненормальности мира говорили в конце XVII в. русские староверы. Примеров можно привести достаточно, хотя, по большому счету, не в них дело. Дело состоит в том, что своя эпоха представляется неоконсерваторам почти совершенным вместилищем всевозможных пороков.

Далее, доклад обращает внимание на практически непрекращающиеся со времен Второй мировой войны во многих регионах мира военные действия, на природные катаклизмы, потрясающие различные регионы планеты, которые якобы не имеют себе равных в истории человечества. Особо подчеркивается то, что ныне в мире происходит информационная революция, «новым этапом которой является построение **глобального сетевого общества**»¹³. Подобные констатации (за исключением, пожалуй, последнего) достаточно беспомощны. История человечества в немалой степени есть история непрерывных войн, хотя прошедшее столетие и позволило вести эти войны более жестко и с использованием технически совершенного оружия. Что касается природных катаклизмов, то и здесь получается не все гладко: например, исследование вековых колебаний климата показывает, что самое значительное похолодание в Европе (за последнюю тысячу лет) падает на начало XVII в. Это похолодание, как известно, вызвало в России настоящую аграрную катастрофу, закончившуюся голодом¹⁴, под знаком которого начала разрастаться русская Смута.

Более интересно замечание, касающееся информационной революции. Действительно, построение глобального сетевого общества есть реальность дня сегодняшнего (вне зависимости от нашего к этому процессу отношения). Но возможно ли остановить революцию, воспрепятствовать ее поступательному и опасному (как считают неоконсерваторы) движению? Очевидно, что сами «контрреволюционеры» понимают бесперспективность этого дела, лишь указывая на возможные беды, от строительства сетевого общества возможные. – «Через введение ИНН, идентификационных кодов, православных христиан пытаются вновь втянуть в глобализационные процессы, что является недопустимым. Ведь все эти процессы ведут к стиранию свободной личности, к уничтожению независимости государств, особенно традиционно православных, и, в конечном счете, к власти единого мирового правительства, **цель которого – воцарение единоличного лидера – то есть антихриста**»¹⁵.

Логика, как видим, достаточно прозрачна: глобализация готовит путь Антихристу. На минуту согласимся с заявленным и постараемся ответить на вопрос: а что могут *практически* сделать православные для противодействия глобализации? Ответ напрашивается сам собой: прежде всего, отказаться от плодов глобализации, от всевозможных ИНН. Православный должен отказаться от жизни в современном обществе греха и порока, полностью противопоставив себя ему – ведь «несомненно, что стяжание Духа Святого Божия и спасение души в электронном концлагере станет практически невозможным, ибо невозможным станет жизнь по заповедям любви к Богу и ближнему»¹⁶. Выбор для верующего, как видим, чрезвычайно небольшой: либо он отказывается жить «в электронном концлагере», либо он губит душу. Исполнение заповедей любви ставится в прямую зависимость от этого выбора. Таким образом, «электронный концлагерь» оказывается более могущественным, чем православный человек, желающий исполнять Божественные заповеди – ведь сам факт нахождения в «концлагере» лишает верующего возможности стяжать Святой Дух. Круг

* В. П. Филимонов представлен как писатель-агиограф, действительный член Православного отделения Петровской Академии наук и искусств, главный редактор православного канала радио «Слово» и вестника «На страже Православия», а В. М. Ильин – как профессор, доктор науки-техники (sic!), действительный член Международной Академии «Информация, связь, управление в технике, природе и обществе», редактор вестника «На страже Православия».

¹² Построение царства Антихриста как реальность наших дней (доклад на Рождественских чтениях, Москва, 26 января 2005 года) // Первый и Последний. № 3 (31). 2005. С. 25.

¹³ Там же.

¹⁴ См. подр.: Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 38, 39 и др.

¹⁵ Построение царства Антихриста как реальность наших дней. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 29.

закрывается. Альтернативы – нет и быть не может, а вопрос о том, как жить дальше не получает четкого ответа.

Все сказанное выше заставляет задуматься над тем, как оценивают современные неоконсерваторы современное состояние российского общества и место в нем православного человека. Об этом неоконсерваторы пишут много и достаточно подробно, в том числе и на страницах известной в России газеты «Русь православная». Так, некий Андрей Сизых, убежденный, что под прикрытием либерально-демократической демагогии в стране полным ходом идет адаптация русского православного сознания к так называемому «Новому мировому порядку», а потом и к Антихристу, делает акцент на факте переживания в XXI веке «кризиса самоидентификации». По его мнению, это такое состояние, «в котором человек перестает понимать свое место в жизни. Смысл существования, долг перед родителями и детьми – вытесняются сиюминутной жадной наслаждений<...>»¹⁷. Допустим, что сегодня проблема самоидентификации – одна из наиболее актуальных. Но ведь точно то же самое можно было наблюдать и на заре XX века¹⁸. В конце концов, характеризовать свое время как наиболее близкое к Великой Исторической Развязке – старая и далеко не добрая традиция.

Что же беспокоит А. Сизых в складывающейся ситуации? Ему кажется, что в новых условиях все сложнее вернуться к проверенным русским духовным ценностям – ведь «их прячут и фальсифицируют». К тому же «раз за разом предпринимаются попытки дискредитировать Истинное Православие, заменить его ложным, безблагодатным еретическим учением». На этом поприще, по мнению автора, работают сейчас и «лжепастыри-волки» – «духовные дети всех прежних ересей и ересиархов – от жидовствующего митрополита Зосимы (XV век) до “апостола экуменизма” митрополита Никодима (Ротова, XX век)»¹⁹. Итак, современные еретики, чья историческая родословная прослеживается от эпохи Ивана III, дискредитируют Истинное Православие, тем самым адаптируя русское православное сознание к «Новому мировому порядку», «а потом – и к Антихристу». Получается, что пресловутый «Новый мировой порядок» – подготовка к приходу Антихриста. Свой посильный вклад в эту подготовку, если следовать тексту, вносят современные еретики – «духовные» наследники и продолжатели дела прежних ересиархов, конечно же «жидовствующих». Не удивительно ли сие? Вовсе нет, ибо «к началу XXI века основные догматы Православия оказались “неочевидными” даже для большинства тех, кто считают себя православными»²⁰. Следовательно, большинство православных (или «считающих себя православными») на самом деле уже не те, за кого себя выдают. Все идет к концу – советское богоборчество лишь уступило место богоборчеству «демократическому», еще более опасному. Что же в этих условиях делать? Автор дает единственно возможный, после всего им сказанного, совет: спасти свои души, уйдя с нынешнего «пира во время чумы». Но четкого ответа на вопрос: возможно ли в современной Русской Православной Церкви спасение, не дается. Подобная недоговоренность, полагаю сознательная, – весьма симптоматична. Не желая называть имена «православных врагов Православия» (хотя и делая достаточно прозрачные намеки, в каком стане этих врагов надо искать), А. Сизых подчеркивает, что «направив ум и сердце к Богу, русский человек обязательно получит Его помощь и защиту»²¹. Будет ли эта помощь получена вне Церкви или в Церкви остается гадать.

Случайностью это признать трудно – для неоконсерваторов вопрос о том, что есть сегодняшняя Церковь, весьма проблематичен. И уж как бы то ни было, он не решается однозначно. «К сожалению, – пишет на страницах «Руси православной» в рубрике «Дискуссионная трибуна» священник Евгений Смольянинов, – Церковь большинство уже воспринимает только с видимой стороны, как организацию с обязательным наличием молитвенных зданий, принадлежностью к юрисдикции и регистрацией в органах власти». По мнению священника, «материализовавшие Церковь всё своё упование возлагают на видимых членов Церкви, облаченных в священнические одежды»²². Из приведенной цитаты ясно, что автор однозначно не согласен с большинством, возлагающим всё упование на священнослужителей. Он предлагает, дабы не терять связь с Богом, надеяться на благодатный церковный Организм.

На первый взгляд, подобная конкретизация не лишена здравого смысла: действительно, необходимо понимать, что Церковь – не только «организация». Но не эта мысль заботит о. Евгения.

¹⁷ Сизых А. Кто мы на пиру жизни? // Русь православная. № 1 – 2. 2005.

¹⁸ «Теперь молодежь в конце испортилась, предавшись разным забавам, – писал, например, автор правого православного журнала «Кронштадтский маяк» И. А. Ярославский. – Слепли и оглохли люди, не видят и не слышат премудрых дел Божиих» (Кронштадтский маяк. № 16. 1910. С. 3).

¹⁹ Сизых А. Указ. Соч.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Смольянинов Е., священ. Побеждающий наследует всё...// Русь православная. № 1 – 2. 2005.

Он идет дальше, и как может, формулирует представление о Церкви «истинной» и «ложной». Первая всегда гонима, а ведь только к ней принадлежат настоящие православные, прекрасно понимающие необходимость войны «против греха и мира». Для успеха этой войны, собственно и необходимо определить и разграничить истинную Церковь «и антицерковь, маскирующую за своей благочестивой внешностью “мерзость запустения на месте святом”». Трактую Откровение св. Апостола Иоанна, автор предполагает, что «мы» живем в предпоследнюю (Филадельфийскую) эпоху, предполагающую как аксиому то, что истинная Церковь должна пребывать в гонениях.

Дальнейшие заключения о. Евгения следуют из заявленного. В самом деле: а гонима ли ныне Московская Патриархия? Разумеется, нет. Более того, по словам автора, она открыто слилась с безбожной властью и богоборческим обществом. Вслед за этим идет критика Предстоятеля Русской Православной Церкви, ставшая для неоконсерваторов чем-то вроде обязательного ритуала²³. Впрочем, дело не в критике, а в подходе о. Евгения (юрисдикционная принадлежность которого, кстати сказать, не указывается**) к праву священноначалия РПЦ «вязать и решать». Для него «безбожное земное царство и МП – это единое целое и границ между ними определить невозможно», хотя, «с другой стороны, сама МП неоднородна. Внутри ее всегда оставалась воинствующая Церковь». Кроме того, «Московская Патриархия не есть во всей своей полноте Церковь Христова», это всего лишь надстройка над Церковью (хотя сказанное не свидетельствует «о том, что Церкви в МП нет вообще»)²⁴. Искать логику в приведенных пассажах дело бесперспективное: ведь если Московская Патриархия и безбожное земное царство – единое целое, то как, спрашивается, можно выделить из этой общей греховной сущности всегда имевшуюся в наличии воинствующую (т. е. истинную) Церковь?

Для чего же потребовалось указание на наличие двух Церквей в одном лоне? Для обсуждения главной темы – темы апокалиптических ожиданий, поскольку по убеждению автора, «именно в процессе сращивания власти светской и духовной произойдет разделение в христианской среде». А разделение Христианской Церкви начнется раньше воцарения Антихриста (для подтверждения этих заявлений приводятся выдержки из писаний свщм. Гермогена)²⁵. Воинствующая Церковь в эти последние времена должна собрать «малое стадо» и вывести его на бой за Истину. Таким образом, и современное общество оказывается возможным в соответствии с предложенной схемой поделить «на боязливое большинство, молящееся о комфорте сегодняшней жизни и меньшинство, готовящееся проливать кровь за Христа, исчезающее с этой земли и пополняющее воинство Небесное»²⁶. Большинство в результате получит по заслугам, оказавшись в геенне вместе с Антихристом.

Победа в войне с силами Антихриста, конечно, неизбежна, но чтобы оказаться в стане победителей необходимо быть с истинной Матерью-Церковью, не путая ее с мачехой – административной церковной организацией, слуги которой не способны благословить своих чад на подвиг. Схема, как видим, достаточно простая и четкая, намеки прозрачны. Рвать все связи с Московской Патриархией автор не хочет, но и своего места в официальной церковной структуре, скорее всего тоже не видит. Перед нами маргинал, представления которого интересны прежде всего в силу их нарочитой тенденциозности и законченной социально-политической направленности. Ощущение безысходности компенсируется у автора глубокой уверенностью в скором наказании «большинства», возглавляемого церковными администраторами «МП». Можно казать, что перед нами – писания человека, стоящего в открытой оппозиции к курсу священноначалия Русской Православной Церкви, выставяемого им в качестве апостасийного.

Максимализм статьи священника Евгения Смольянинова оказался столь велик, что на нее откликнулся и сам главный редактор «Руси православной» К. Ю. Душенов, также выступивший в рубрике «Дискуссионная трибуна». В статье «Духовная драма апокалиптических пораженцев» К. Ю. Душенов проводит мысль о том, что «любые крайности – от бесов», выступая против панических, по его мнению, ноток, проскальзывавших в заявлениях о. Евгения. При этом он подчеркивает свое согласие с большинством высказанных клириком мыслей. К. Ю. Душенов убежден, что в церковной среде произошло разделение на «боязливое большинство» и ревностное, истинно-православное

²³ В данном случае эта критика доведена до гротеска. Указывается, что Святейший Патриарх обращается к главному раввину России Берл Лазару со словами «Досточтимый брат». «Что же получается? – возмущается о. Евгений. – Если патриарх – отец, а главный раввин ему брат, то все прихожане МП – духовные племянники этого талмудического иудея-богоборца» (Там же). Комментарии, как обыкновенно говорится в подобных случаях, излишни.

** Однако из текста статьи можно предположить, что о. Евгений является клириком Московской Патриархии.

²⁴ Смольянинов Е., свящ. Указ. Соч.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

большинство, что наблюдая «богоборческий разгул сатанинской “демократии”» нельзя отрицать близость последних времен и размах подготовки всех народов и государств к приходу Антихриста, что современным христианам необходима готовность к страданиям и гонениям. Но главный редактор «Руси православной» категорически протестует против пораженческих настроений, – «мол, нашими врагами всё уже “схвачено”, мир находится буквально накануне воцарения антихриста, Россия окончательно повержена и поставлена под контроль мировой богоборческой закулисы», «никакое возрождение-де уже невозможно и остатку верных не остается ничего иного, как устранившись от всего происходящего, самоизолироваться от нынешней действительности в ожидании неизбежного скорого конца»²⁷.

К. Ю. Душенов задается вопросом: правильно ли мы прилагаем толкования св. Отцов к сегодняшним реальностям, считая спорным вопрос: наступило ли нас «последнее время» или еще нет? Судя по всему, он не желает давать окончательный утвердительный ответ, полагая, что «апокалиптические пораженцы» проецируют на весь мир свои личные духовные неудачи. Личную же драму нельзя воспринимать как вселенскую катастрофу. Если это так, то как быть с «пораженческим мировоззрением»? Что это, если не малодушие? А ведь малодушие – проявление страха сомнения, который невозможно трактовать только или преимущественно как «страх Божий»? Впрочем, как бы то ни было, но слово сказано. Один из идеологов неоконсерватизма попытался скорректировать крайние суждения идейно близкого ему клирика-публициста.

Однако, заявляя, что личный духовный кризис не означает, что весь мир стоит на пороге Апокалипсиса, К. Ю. Душенов буквально через несколько строчек соглашается с тезисом о. Евгения о неумолимом приближении нашего мира к предреченному концу («с каждым днем мы наблюдаем все больше признаков, что этот конец уже не далек»). В том-то, думается, и дело, что проецировать на весь мир собственные духовные неудачи «апокалиптических пораженцев» заставляет именно ощущение неумолимости скорого конца времен. Данное ощущение и приводит священника Евгения Смольянинова (и ему подобных) к логическим ошибкам, не позволяя четко – даже себе – ответить на вопрос о благодатности (или безблагодатности) Московской Патриархии. И как бы К. Ю. Душенов не старался намекнуть своему оппоненту, что его заявления о РПЦ – практически провокация раскола, что государственная власть неоднородна и всех ее представителей не стоит причислять к слугам грядущего Антихриста, вряд ли он мог быть услышан. Прежде всего потому, что и его религиозно-политическое сredo представляет собой набор внутренне противоречивых утверждений: призывая сторонников о. Евгения Смольянинова к бдительности и осторожности, К. Ю. Душенов сам не очень осторожен в высказываниях о «боязливом большинстве» в Церкви, о близости «последних времен», в утверждении того, что огромную власть в России имеет мировая закулиса и ее ударный отряд – международное еврейство. Из заявленного можно делать разные, в том числе и далекие от оптимизма, выводы. Представляя старый «джентльменский набор», регулярно используемый «апокалиптическими пораженцами», следовало бы задаться вопросом: так ли уж они ошибаются, осознавая бесперспективность активной *внешней борьбы* с сильными и многочисленными врагами, имеющимися и в среде Церкви («боязливое большинство»)?

В принципе, позиция главного редактора «Руси православной» – лишь корректировка слишком резких высказываний своего идейного союзника и политического единомышленника. Он искренне убежден, что в современном русском епископате начала формироваться оппозиция курсу «либерал-экуменистов», – очевидно это и питает его вовсе не «апокалиптический» оптимизм: К. Ю. Душенов еще надеется на возможность успешно препятствовать распространению губительного «духа современности». Подобные заявления трудно встраиваются в систему представлений о наступающих *вот-вот* последних временах. Да, он предлагает активно бороться с врагами, но, как и «апокалиптические пораженцы», поддерживает тезис о близости этих самых времен.

О том, что глобальное построение царства Антихриста – реальность пишет также и другой известный современный церковный публицист М. В. Назаров. Он, как и охарактеризованные выше православные неоконсерваторы, полагает, что руководство «МП» (именно так – «МП») надеется наладить сотрудничество с антихристианским Новым мировым порядком. Облик нынешней власти в России для него очевидно нелегитимен и антихристианский по своей сути. М. В. Назаров предполагает даже, что современное священноначалие РПЦЗ, поддерживая и хваля «разрушителей России и грабителей», «надеется создать себе некую православную резервацию в апостасийном океане Нового мирового порядка». Его логика достаточно понятна: необходимо объединение всех верных, ныне разрозненных в разных церковных юрисдикциях. Он не скрывает, что размежевание с врагами Истины – не только возможно, но и необходимо, вспоминая правило 15 Константинопольского Двукратного Собора 861 г. «Отделяющиеся от общения с предстоятелем,

²⁷ Душенов К. Духовная драма «апокалиптических пораженцев» // Русь православная. № 1 – 2. 2005.

ради некая ереси, осужденныя святыми соборами или отцами, когда, то есть, он проповедует ересь всенародно, и учит оной открыто в церкви, таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборного рассмотрения, не токмо не подлежат положенной правилами епитемии, но и достойны чести, подобающе православнм. Ибо они осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекли единство церкви, но потщились охранити Церковь от расколов и разделений».

«Думается, – полагает М. В. Назаров, – что **прибегать к этому правилу исповедническому духовенству всех поместных Церквей придется тем чаще, чем больше будет выявляться предсказанное отступление священноначалие перед концом света**»²⁸. На данном заявлении стоит остановиться подробнее. Ведь оно по существу может восприниматься как моральное обоснование возможного в будущем (судя по всему, недалеком или не слишком отдаленном по времени) отхода от «своих» церковных юрисдикций ради образования «малого истинного стада» настоящих борцов за православную веру. Ведь, по словам М. В. Назарова, **«в мире множатся признаки конца истории и в это вписывается происходящее с Русской Зарубежной Церковью, когда оказываются прельщены даже избранные»**. Вопрос ставится о Церкви последних времен, в которой должна сохраняться истина и любовь, очевидно не сохраняемые во всей полноте сегодня и в РПЦ и в РПЦЗ.

Подведем некоторые итоги.

Даже из краткого рассмотрения эсхатологических представлений православных неоконсерваторов становится ясно, что современный секулярный мир в их представлении – средоточие зла и безбожия. Соответственно, происходящие в России и в мире социально-политические события для них исключительно важны как показатель приближающегося «конца времен». Скорое наступление Апокалипсиса, таким образом, воспринимается как объективный факт (как некогда таким же «объективным фактом» была для С. А. Нилуса оценка религиозно-нравственного состояния русского общества начала XX века). Исторические пессимисты, неоконсерваторы воспринимают окружающее их общество как враждебный лагерь, большинство представителей которого наверняка потеряно для вечного спасения. Их представления о Церкви и о власти Церкви эклектичны и почти всегда внутренне противоречивы.

Кроме того, отличительной чертой неоконсерваторов является обязательный монархизм (почитание не просто царской, но обязательно самодержавной и неограниченной власти), безусловная убежденность в существовании «мировой закулисы» и вредных масонских (или «жидо-масонских») влияний. Вспоминая о любви, они обыкновенно агрессивны к тем, кого считают врагами веры. Зная это, следует помнить, что хотя «переориентирование агрессии – это самый простой и самый надежный способ обезвредить ее»²⁹, в рассматриваемом случае подобное, скорее всего, невозможно. Непримируемость неоконсерваторов к тем, кто для них – безусловный еретик, вполне объяснима, как психологически объяснима и их убежденность в собственной правоте. Не ясно только одно – до какой степени отчуждения от официальных церковных структур и как скоро смогут прийти неоконсерваторы в своем поступательном движении к обретению душевного покоя в «истинной Церкви», во многом такой же схематичной, как и их историко-церковные мифологические построения.

²⁸ Назаров М. О «прельщении избранных» и о Церкви последних времен // Русь православная. № 1 – 2. 2005.

²⁹ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994. С. 260.